

Зимой 20XX года Нин Цюянь впервые ступил на остров.

День выдался пасмурным и очень ветреным. Часов с двух-трех ночи ветер завывал, словно стая призрачных волков, а к утру, когда он проснулся, телевизор и телефон уже пестрели новостными сводками: на весь север надвигается резкое похолодание, возможен снег.

Такая погода совершенно не располагала к выходу из дома, не говоря уже о морском путешествии.

Но Нин Цюянь не собирался нарушать обещание.

Он почти не спал всю ночь. В пять утра, с абсолютно ясной головой, он вылез из постели, умылся и приготовил скромный завтрак: стакан горячего молока и вареное яйцо.

За окном все еще стояла кромешная тьма, и ветер не унимался.

Тени деревьев раскачивались, свет фонарей то вспыхивал, то гас. Сидя в одиночестве за столом, он ел и в очередной раз открыл карту на телефоне.

Он уже сбился со счета, в какой раз разглядывал её.

Одинокое пятно цвета земли, проступающее посреди темно-синих океанских просторов, было подписано двумя мелкими иероглифами: остров Ду.

Остров Ду, находящийся в частном владении.

Судя по карте, расстояние по прямой от побережья города Утун до него составляло около семидесяти восьми километров, а площадь самого острова была весьма внушительной — около восьмидесяти тысяч му. Однако он отнюдь не был живописным курортом и располагался слишком далеко от других освоенных островов. После того как его выкупили, он исчез из поля зрения общественности, превратившись в место, забытое всеми.

В шесть часов, перед выходом, Нин Цюянь тщательно закрыл все окна и двери, оставив на столе записку.

В ней он четко указал, куда направляется и причину своего отъезда. Записка предназначалась полиции: бесследные исчезновения одиноких людей — самые частые нераскрытые дела.

Конечно, если с ним действительно что-то случится, найдутся люди, способные помочь следствию, — например, его друг Су Цзяньчжоу.

Но Су Цзяньчжоу был врачом-интерном, работающим как проклятый, и Нин Цюянь был уверен: к тому времени, когда друг заметит его исчезновение, могила Нин Цюяня уже наверняка порастет травой.

В переполненном утреннем автобусе, пропахшем всевозможной едой, Нин Цюянь слушал песню.

The Wolves and the Ravens группы Rogue Valley. Судя по названию, песня о волках и воронах, но на самом деле она не имела к ним никакого отношения.

Правый наушник барахлил, в салоне стоял шум, слушать было некомфортно, поэтому он не дослушал до конца. Но даже спустя долгое время после того, как он выключил плеер, мелодия и слова всё ещё эхом отдавались в его голове.

Поэтому на следующей остановке Нин Цюянь вышел, вернулся домой, достал из шкафа слегка запывившийся футляр и закинул гитару за спину.

Проходя мимо стола, он на секунду задумался и порвал ту нелепую записку.

Только что он упустил из виду одну важную деталь: начиная с прошлого месяца, если не считать тех, кому от него нужны деньги, вряд ли кто-то вообще станет заявлять о его пропаже в полицию.

Во второй раз он попал в самый час пик, и ему потребовалось время, чтобы снова сесть в автобус.

Пересадка на междугородний рейс на конечной остановке тоже заняла больше времени, чем он ожидал. Нин Цюянь отнесся к этому с пессимизмом, безответственно подумав: если по прибытии окажется, что встречающий не дождался и ушел, это не будет считаться нарушением уговора с его стороны.

С тем же пессимизмом Нин Цюянь купил билет.

Путь от автовокзала до пирса острова Ду занимал два часа.

Чтобы попасть туда, нужно было заранее предупредить водителя при посадке, иначе тот, скорее всего, проехал бы мимо — в том месте почти никто не выходил.

Как и ожидалось, услышав просьбу Нин Цюяня, водитель автобуса посмотрел на него со странным выражением лица:

— В такую погоду? Зачем тебе в такое место?

Нин Цюянь с гитарой за спиной и туго набитой холщовой сумкой был укутан с ног до головы — шарф, шапка, всё как полагается. Снаружи оставались лишь глаза, похожие на черные виноградины, по которым было видно, что он еще совсем молод.

— На подработку, — совершенно серьезно ответил он.

Водитель нахмурился:

— Какая подработка на пирсе?

Нин Цюянь задумался:

— Собрать морской мусор, который выбросило на берег ветром.

Водитель снова спросил:

— А семья твоя согласна?

Дома у него никого не было, так что Нин Цюянь кивнул от собственного лица:

— Абсолютно согласна и полностью поддерживает.

Неравнодушный водитель не стал расспрашивать дальше и отмахнулся:

— Ладно, крикну, как подъедем!

Нин Цюянь нашел свободное место и молча уставился в окно.

Когда они подъехали к пирсу, водитель высадил его, высунулся из окна и крикнул на прощание:

— Эй, пацан! Сегодня штормит, даже не думай выходить в море в одиночку! В этом году на пирсе уже несколько человек утонуло! Трупы, когда их выносило на берег, были так раздуты, что смотреть страшно. Подумай о своих близких!

Нин Цюянь молча стоял на пустой асфальтированной дороге и смотрел вслед удаляющемуся автобусу.

Промерзший, твердый как камень асфальт был усыпан сухими листьями. Порывы ветра поднимали их в воздух, заставляя кружиться, а ледяной воздух резал лицо, словно ножом.

Достав телефон, он побрел по навигатору в сторону столь дурно прославившегося пирса.

То ли навигатор сбоил, то ли так и было нужно, но Нин Цюянь уже минут десять брел сквозь лес.

Прожив в городе Утун больше десяти лет, он ни разу не забирался в такую глушь. Если бы не этот случай, он бы и не подозревал, насколько велик его родной город.

Опавшие листья в лесу лежали густым ковром, ноги то и дело вязли в них, издавая сухое шуршание.

Звук шагов спугнул прятавшихся в зимнем лесу птиц — черные тени с хлопаньем крыльев сорвались с ветвей.

«Кар-р-р!» — пронзительный птичий крик разнесся в воздухе.

Если все это с самого начала было обманом, то, как правило, именно такие места лучше всего подходят для преступлений.

Жертву могут похитить или убить — здесь никто не услышит её отчаянных криков о помощи. Жертву даже могут расчленить после нечеловеческих пыток, а голодные морские рыбы позаботятся о том, чтобы обглодать останки подчистую, не оставив ни следа.

И никто в мире не заметит, что исчез человек.

Нин Цюянь подумал, что если все так и есть, то сейчас он, по сути, совершает медленное самоубийство.

Спустя еще пару минут приглушенный шум волн усилился, и береговая линия стала вырисовываться отчетливее.

На пляже громоздились старые лодки, чьи борта были испещрены агрессивными и безумными граффити, уже наполовину стертymi суровым зимним бризом. Было очевидно, что это плоды чьего-то подросткового бунта.

Судя по реакции водителя автобуса, Нин Цюянь догадался, что лодки принадлежали местной молодежи, незаконно использующей частный пирс.

Частные причалы контролировались не так строго, как общественные, здесь не требовалось разрешение на выход в море от соответствующих инстанций, поэтому многие пользовались этой лазейкой. Похоже, владельцу острова Ду не было до этого дела, и обстановка здесь царила более хаотичная, чем он предполагал.

Пройдя еще метров двести, сквозь пляшущие тени деревьев Нин Цюянь заметил

выделяющееся на общем фоне большое белое судно.

Оно было пришвартовано к пирсу и покачивалось на волнах. Идеально ухоженные, сверкающие борта прямо кричали о том, что лодка принадлежит кому-то невероятно богатому. Из тех богачей, с которыми обычные люди никогда не пересекаются.

Он с облегчением выдохнул.

На палубе стоял только один человек, на вид лет сорока.

Перекрикивая ветер, мужчина окликнул его:

— Это ты Нин Цюянь?

Вопрос прозвучал как секретный пароль.

Нин Цюянь покрепче перехватил лямки холщовой сумки, сердце его забило чуть быстрее:

— Я.

Мужчина дернул подбородком:

— Поднимайся на борт!

Так быстро?

Не проверив ни удостоверение личности, ни какие-либо другие документы — сразу на борт?

Нин Цюянь, с покрасневшим от холода носом, почувствовал легкий дискомфорт от такого легкомыслия. Он неуверенно спросил:

— Сегодня такой сильный ветер, выходить в море безопасно?

Мужчина бросил на него взгляд, но ничего не ответил и молча направился в каюту.

Нин Цюянь постоял немного на месте, взвесил все «за» и «против» и решил, что остаться без денег куда страшнее смерти.

Ему пришлось преклонить колени перед властью капитала, и он всё-таки поднялся на борт.

В каюте было гораздо теплее. Обстановка оказалась не такой роскошной, как можно было ожидать — скорее солидной и сдержанной.

Помимо мужчины, который только что стоял на палубе, в каюте находился еще один парень, примерно ровесник Нин Цюянь. Он забился в самый дальний угол дивана и плотно закутался в одеяло, видимо, спасаясь от холода.

Нин Цюянь выбрал себе место и первым поздоровался:

— Привет, я Нин Цюянь.

Но парень лишь смерил его холодным взглядом и тут же отвернулся к стене, явно не горя желанием общаться.

Нин Цюянь послушно умолк, обнял свою холщовую сумку с гитарой и тоже не проронил ни звука.

Если уж играть в молчанку и строить из себя крутого, то он вряд ли проиграет.

— Можешь звать меня дядей Пином, — прямолинейно заявил мужчина с палубы, без лишних церемоний обращаясь к Нин Цюяню. — Отныне каждый месяц я буду встречать тебя здесь. Сегодня ты опоздал на двадцать минут. Надеюсь, в следующий раз приедешь вовремя.

Нин Цюянь стянул шапку и шарф, растрепав свои мягкие черные волосы:

— Понял, дядя Пин.

У него были тонкие, изящные черты лица, в которых все еще сквозила детская наивность — он выглядел как изнеженный ребенок из хорошей семьи. Совершенно непонятно, что привело его в такое место.

Отношение дяди Пина немного смягчилось, и он уже более спокойным тоном объяснил:

— Мы выходили в море и в погоду в разы похуже этой, так что такой ветер и волны — сущие пустяки. Не переживай, господин Гуань отдал распоряжение, и я ручаюсь, что доставлю тебя на остров в целостности и сохранности.

— Хорошо, дядя Пин, без проблем, — ответил Нин Цюянь.

Парень в углу повернул голову, словно потрясенный таким покладистым, чуть ли не льстивым тоном. Нин Цюянь же держал марку до конца и даже не взглянул в его сторону.

Дядя Пин отдал команду по радиации, и судно пришло в движение.

Нин Цюянь спросил, сколько времени займет путь, на что дядя Пин ответил:

— С такой погодой, думаю, часа два. А что, тебя укачивает?

Нин Цюянь покачал головой:

— Да нет, терпимо.

На самом деле их путь до острова Ду в тот день занял долгих четыре часа.

Вскоре после отплытия над морем пошел ледяной дождь. А когда поле зрения полностью затянула серо-синяя водная гладь, и определить направление стало совершенно невозможно, начался снегопад — прямо как обещали в прогнозе погоды.

Небо заволочло густыми черными тучами, сливаясь с морем в единую линию.

Свод опустился так низко, что казалось, будто он вот-вот рухнет в пучину.

Нин Цюянь дважды вывернул желудок в уборной, проглотил таблетку от укачивания, которую дал дядя Пин, и, свернувшись на широком мягком диване, провалился в беспокойный сон. Больше в сторону моря он даже не смотрел.

В полудреме он начал размышлять о том, с чего бы кому-то вообще пришло в голову жить на острове Ду.

Остров был полностью отрезан от внешнего мира, добираться туда было сущей мукой. Если бы речь шла об отпуске — еще куда ни шло, но выбрать это место для постоянного проживания... Это было за гранью нормального человеческого поведения. Неужели все эти так называемые тайные миллиардеры настолько эксцентричны?

Нин Цюянь слышал о человеке, живущем на острове Ду.

Два года назад имя «Гуань Хэн» впервые всплыло в секретном списке самых богатых людей. Потратив баснословные сотни миллионов на покупку острова, он одним этим широким жестом сразу же взлетел на вершину рейтинга.

И причина, по которой Нин Цюянь, живший самой заурядной жизнью, вообще обратил внимание на какой-то там список тайных богачей, крылась в одной-единственной фотографии Гуань Хэна, приложенной к статье.

На снимке был запечатлен момент, когда мужчина, пригнувшись, выходил из машины. Распущенные черные длинные волосы были небрежно заправлены за ухо, открывая безупречно очерченную линию челюсти и неестественно бледный профиль. От всего его облика веяло неуловимой, мрачной утонченностью.

Фотография разлетелась по сети с молниеносной скоростью. Нин Цюянь тогда случайно открыл ее в чате одноклассников.

Честно говоря, он смутно помнил, что снимок был не очень четким, сделанным явно в темноте, и черты лица рассмотреть было практически невозможно.

Но даже это размытое фото вызвало безумный ажиотаж вокруг Гуань Хэна. Он стал синонимом загадочности, элегантности и богатства. В то время весь интернет гудел, пытаясь выяснить, кто такой Гуань Хэн, и раскопать о молодом миллиардере хоть какие-то подробности.

Кто-то предполагал, что это просто хитрый пиар-ход, однако всего через несколько дней любая информация о Гуань Хэне была подчистую удалена из сети. Не осталось ни единой зацепки. Человек с вершины списка тайных миллиардеров весьма доходчиво продемонстрировал всем пугающую власть капитала.

И никто даже помыслить не мог, что этот загадочный молодой богач на самом деле страдал заболеванием крови.

Три месяца назад Нин Цюянь, по рекомендации друга, принял участие в закрытой программе больницы города Утун и сдал кровь. Как доброволец с редкой группой крови и отрицательным резус-фактором, он мог таким образом выторговать небольшие медицинские льготы для своей матери.

А неделю назад Нин Цюянь получил электронное письмо. В нем в подробностях описывалась острая нужда в его помощи, за которую предлагалось весьма внушительное вознаграждение.

К удивлению Нин Цюяня, человеком, нуждающимся в его помощи, оказался не кто иной, как Гуань Хэн — тот самый загадочный миллиардер, что два года назад промелькнул в сети.

— Ты уверен, что хочешь поехать? — спросил его тогда Су Цзяньчжоу, тот самый друг, что устроил его в программу. — Обычному человеку после сдачи крови нужно восстанавливаться как минимум полгода, а тут так часто. Твой организм выдержит?

— Поеду, — ответил он Су Цзяньчжоу после бессонной ночи раздумий. — Мне нужны деньги.

Согласно договору, каждый месяц в последнюю пятницу Нин Цюянь должен был прибывать на остров Ду, а в следующий понедельник возвращаться в Утун на судне, которое отправлялось за продуктами и бытовыми товарами.

Контракт был заключен на полгода, всего на шесть месяцев.

А это означало, что ему предстояло ровно шесть раз стать живым донором крови для человека по имени Гуань Хэн.

<http://bllate.org/book/17881/1710604>